

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ МАНИФЕСТАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДОВ НА ГРАНИЦАХ РАЗЛИЧНЫХ РЕГИОНОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. О. Негров

Негров Евгений Олегович

E-mail: negrov2001@mail.ru. ORCID 0000-0003-3906-5197.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», Университетская набережная, д. 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Россия.

Аннотация. Статья представляет собой исследование, посвященное систематизации дискурсивных практик манифестации региональной и субрегиональной идентичности в современной России. Исторический, экономический, политический, культурологический анализ такой идентичности, включающий в себя в том числе и элементы дискурс-анализа местной прессы, а также фрагменты качественного исследования (спонтанные интервью, межличностное общение и т.д.), позволяют построить модель, иллюстрирующую её современное состояние. С помощью систематизации дискурсивных практик и механизмов управления региональной идентичностью в РФ в условиях виртуализации общественно-политического пространства, процесс интенсификации которой, несомненно, ускоряется, представляется возможным построить работающую модель, иллюстрирующую современное состояние такой идентичности, что, в свою очередь, даёт право говорить о практической значимости исследования, связанной с механизмами повышения качества городской и региональной коммуникации, особенно в плане построения эффективно функционирующего гражданского общества и его взаимодействия с органами власти. Эмпирической базой исследования являются кейсы таких городов, как Волжск в Республике Марий Эл (тяготеющий к Зеленодольску и — шире — к Казанской агломерации в Республике Татарстан); Камень-на-Оби в Алтайском крае (расположенный на практически одинаковом расстоянии от «своей» столицы Барнаула и крупнейшего города Сибири Новосибирска); Катайск в Курганской области (тесно связанный с Каменск-Уральским в Свердловской области); Минусинск в Красноярском крае (практически слившийся с Абаканом, столицей Республики Хакасия), Сольцы (в Новгородской области, но исторически и культурно тесно связанный с Псковской областью) и Стрежевой в Томской области (близко расположенный к Нижневартовску из Ханты-Мансийского АО).

Ключевые слова: идентичность, политическое поведение, дискурсивные практики, городские и региональные сообщества.

Введение. Актуальность темы идентичности в рамках политической коммуникации: подходы к изучению и попытка синтеза

Рассматриваемая тематика исследования находится на стыке профессиональных интересов, связанных с уже многолетней разработкой темы идентичности в рамках, в том числе и по соответствующим, уже завершённым, грантам, непосредственно ей посвященным (к примеру, научные проекты при поддержке РФФИ и ЭИСИ № 20-011-31753 «Молодёжь мегаполисов как социальная основа публичного протеста: предпосылки, технологии, формы, риски и эффекты политической онлайн-мобилизации», и № 19-011-31616 «Государственная политика в сфере формирования идентичности: концептуальные основания, технологии и перспективы»), и личного научного интереса, направленного на попытку уйти от обобщений политической социологии, оперирующей электорально значимым большинством, что делает ее

эвристические возможности достаточно ограниченными в условиях сужающегося, как шагреновая кожа, поля публичного пространства, появления множества «фигур умолчания», причем уже не только со стороны продуцентов официального политического дискурса, но и со стороны представителей этого самого электорально значимого большинства. Именно поэтому в данном исследовании предпринимается сознательная попытка сместить акцент на социологию идентичности на локальном социальном уровне, а именно уровне места жительства, а единицей измерения в данном случае являются городские и региональные сообщества как достаточно изученные и обладающие конкретными характеристиками институциональные и культурные явления, имеющие свою специфику.

В силу того факта, что идентичность является определяющей категорией в таких важнейших сторонах человеческой индивидуальной жизненной стратегии, как определение целей, иерархическое распределение психологических, социальных, материальных и иных ресурсов, а также чувство принадлежности к конкретным социальным группам и чувство отчуждения к «иным» (другим культурным, ментальным, национальным, этническим и иным группам), попытка создания стройной и непротиворечивой системы классификации основных дискурсивных практик, пытающихся формировать политическую, идеологическую и/или гражданскую идентичность, в том числе на локальных уровнях, должна иметь не только теоретическую, но и практическую значимость. При этом нельзя игнорировать еще одну специфическую черту, присущую современному обществу в контексте темы исследования — слабую корреляцию между электоральными предпочтениями в ходе конкретных выборов, особенно в их российском варианте (в том числе факт наличия существенной разницы между реальной и фиксируемой явкой и уровнем поддержки политических акторов-инкубентов) и, собственно, идеологической и политической идентичностью, что, кстати, очень ярко проявляется в ходе качественных исследований, в первую очередь при проведении фокус-групп или спонтанного общения в регионах и городских сообществах (подробнее см. Бовина, Дворянчиков, 2020; Замятина, 2012; Назукина, 2019; Пономарев, 2021). И здесь возникает важнейшая проблема разницы между легальностью и легитимностью, которую государства с гибридной электоральной системой переживают намного сложнее.

Как известно, легальность — это процедура, соответствующая закону и принятым правовым нормам, а легитимность — наличие не столь очевидно фиксируемого согласия управляемых на насилие над собой, т.е. возможность совершать действия, которые не оспариваются никем из тех, кто теоретически имеет право и возможности эти действия оспорить. При этом чем ниже уровень легитимности, тем чаще власть опирается на силовое принуждение или всевозможные манипуляции (политические технологии). Очевидно, что для нормального функционирования системы уровень корреляции между легальностью и легитимностью должен быть весьма высоким, иначе могут произойти события, которые наблюдаются последнее время по всему миру (более яркие и интенсивные: «Арабская весна», «Оранжевые революции» в республиках бывшего СССР и т.д., или чуть менее интенсивные и насильственные, но весьма и весьма яркие «Желтые жилеты» во Франции, перманентные Гонконгские акции, события лета 2019 г. вокруг выборов в Московскую городскую думу и т.д., ковидные бунты практически по всему миру, в достаточно brutальной и при этом комической форме происходящие и в нашем Отечестве). При этом именно благодаря наличию такой тесной корреляции в странах с давними демократическими режимами

такие формы протестного политического поведения, как демонстрации в Западной Европе (кризисные и посткризисные события в Греции, Франции, Венгрии, опять же, «Желтые жилеты»), по численности вполне сопоставимые или даже превосходящие ближневосточные, не приводят к бегству (Египет, Тунис) или силовым акциям (Ливия, Йемен, Сирия) политических лидеров этих стран, а сами демонстранты, выражая свое несогласие (причем зачастую весьма и весьма неконвенциональное) с отдельными решениями правительств, никогда не ставят под сомнение саму возможность текущего поколения своих политических топ-менеджеров принимать те или иные решения, поскольку сама эта возможность была делегирована им обществом в ходе последних выборов, итог которых никем под сомнение не ставится. Именно поэтому, к примеру, легитимность глав администраций поселений, независимо от формы их легислатуры (избрания или назначения, прямого или опосредованного), практически всегда ставится под сомнение тем самым электорально значимым большинством «на местах» при, конечно же, полном публичном высочайшем уровне поддержки и легитимности. В основе такого непоследовательного сознания, на наш взгляд, лежит именно кризис идентичности, испытываемый определенной частью общества, готовой на пассионарные и не всегда конвенциональные действия. Это, в свою очередь, связано и с рядом историко-культурных и социально-политических причин (несоответствие идеальной картины мира и реального мира за окном), и с конкретными особенностями, присущими современному политическому процессу, так или иначе форсирующему классическое «двоемыслие». При этом здесь же возникает проблема искусственного создания политической «повестки дня», формирования информационного шума и подобные проблемы, ключевую роль в продуцировании которых играют средства массовой коммуникации (как традиционные, так и новейшие), а также влияющие на них политические акторы (см. Акопов, 2015; Аутсорсинг..., 2021; Добринская, 2018; Заббаров, 2011; Идентичность..., 2017; Казаков, 2020; Коньков, 2020).

Актуальная идентичность как динамический конструкт и проблемы её эффективного измерения

Понять идентичность таким образом, чтобы можно было говорить о работающей модели, должны помочь определенные коммуникативные и лингвистические маркеры, репрезентирующие уже сформулированную идентичность. С их помощью можно выявлять лингвокультурные типажи, концепты, стереотипы, бытующие в коллективном когнитивном пространстве представителей определенного политического или культурного сообщества. При этом сложность в том, что они не проблематизируют понятие идентичности и оставляют за скобками вопрос о её постоянной изменчивости. Так как не только на личностном, но и на групповом уровне, следует говорить о меняющейся под воздействием самых разных факторов (как объективных, так и субъективных) структуре иерархии ценностей, получается, что носитель той или иной идентичности в представленных дискурсивных условиях, по сути, отвечает на вопрос «Какие качества своей личности стоит проявить в данной ситуации, чтобы произвести положительное/нужное впечатление» (на того, кто является значимым «другим» в той или иной ситуации: от социолога-интервьюера или модератора фокус-группы до ребенка, ровесника-приятеля или начальника) вместо «Кто я и какой я есть на самом деле?» Причем для политолога эта проблема выглядит еще более значимой: сравнивать интенции идентичности ведущих политических акторов, скажем, во время встречи с выпускниками РЭШ или ветеранским активом в преддверии Дня победы —

весьма и весьма психоделично. В этих условиях на помощь должна прийти концепция идентичности, исходящая из социального конструктивизма, предлагающая смотреть на идентичность прежде всего как на социальную переменную, имеющую исключительно символическое (дискурсивное) измерение в духе М. Фуко, т.е. как относительно устойчивое поле смыслов и знаков, упорядочиваемых группами дискурсивных практик. «Как идеологическая конструкция идентичность складывается в языке и ни в какой другой форме, кроме форм языка, не существует. Неверно говорить, что идентичность отражается в языке, выражается через язык или опосредуется при помощи языка. Это позволило бы заключить, что идентичность существует как самостоятельная сущность где-то вне и независимо от языка. Идентичность дискурсивна, то есть лингвистична», — пишут последователи М. Фуко, в частности, И. И. Сандомирская (Енина, 2016). Таким образом, с нашей точки зрения, следует говорить не столько о лингвистической, сколько о дискурсивной природе идентичности. Иными словами, говорящий в процессе речи (в данном случае не важно, письменной или устной) всегда конструирует свою или чужую идентичность и пользуется для этого доступными ему дискурсивными смыслами, которые он принимает за нормативные в конкретной ситуации общения (подробнее см. Коммуникативные агрессии..., 2019; Канашевич, 2018; Леонтович, 2015; Мухортов, Краснова, 2016; Радина, 2018). Именно поэтому, кстати, большой интерес представляют традиционные региональные СМИ, где многие журналисты, помимо казенного сукожного официального и официозного дискурса демонстрируют яркие образцы местной специфики — не важно, лоялистской, маргинальной, центристской или какой-либо другой. Дискурсивная идентичность, в свою очередь, задается набором дискурсивных знаков, которые не обладают однозначностью интерпретации, поэтому ее определяющими свойствами являются динамичность, множественность и ситуативность. При таком понимании идентичности и ее свойств она есть всегда промежуточный результат условных социальных, в том числе дискурсивных, процессов. Под промежуточным в данном контексте мы понимаем результат, априори учитывающий невозможность завершения процесса идентичности, который всегда перманентен и континуален. Дискурсивная идентичность подобна течению реки, которое нельзя остановить, но можно сфотографировать. Принимая во внимание эту специфику дискурсивной идентичности, необходимо при ее выявлении учитывать временные и иные границы исследуемого, конкретный контекст. В создание дискурсивных практик такого рода вовлечены практически все участники общественно-политического процесса, и направлены они тоже на практически все слои общества. Другое дело, что «волшебная пуля» (она же «подкожная игла») при передаче интенций от продуцентов дискурса высшего уровня к более низшим уже не действует, и в ходе трансформации таких интенций проходит множество искажений, что и позволяет говорить об особенностях коммуникации в эпоху постмодерна (Мисников, Филатова, 2019; Поцелуев, 2008; Публичная политика..., 2018; Сидоров, 2018; Чекменев, 2020; Шарапов, 2017; Lewis, 2017; Tufekci, Wilson, 2012).

Учитывая все сказанное, в своих выводах, представленных в заключительном разделе статьи, автор опирался на эмпирическую базу, представленную в таблице.

В каждом из этих городов автор не только находился лично, но и имел возможность синтезировать количественные и качественные исследования на основе личного общения с представителями различных кругов местного сообщества, изучения местной прессы и (реже) телевизионных программ, официальной позиции властей и продуцентов официального политического дискурса (официальные

Таблица 1. Эмпирическая база исследования. Города — объекты выявления дискурсивных практик идентичности

Table 1. The empirical basis of the study. Target cities Cities-objects of identifying discursive practices of identity

№	Город	Регионы и/или города тяготения
1	Волжск (Марий Эл)	Республика Татарстан, Казань
2	Камень-на-Оби (Алтайский край)	Новосибирск
3	Катайск (Курганская область)	Свердловская область, Каменск-Уральский
4	Минусинск (Красноярский край)	Республика Хакасия, Абакан
5	Сольцы (Новгородская область)	Псковская область
6	Стрежевой (Томская область)	Ханты-Мансийский авт. округ, Нижневартовск

информационные порталы, сайты местных администраций, издания, где официальный издатель — местная администрация и т.д.), а также академического дискурса по теме (Визгалов, 2011; Замятина, 2012; Морозова, Мирошниченко, Семененко, 2020; Орех, 2014; Смирнягин, 2011). Итогом этих исследований и стали выводы, сформулированные в завершающем разделе статьи.

Заключение. Выводы и предложения

Итак, основные дискурсивные практики, выявленные в ходе исследования, следующие:

– акцент на уникальность (если на уровне конструирования общероссийской идентичности, то «мы первые полетели в космос», «мы выиграли Великую Отечественную войну», «разгромили нацизм», «спасли весь мир», «создали самую большую страну по площади на нашей планете»); в масштабах города/региона это манифестация также какого-то уникального явления, причем не важно, со знаком плюс или минус (родина хлеба, огурца, самые вкусные квас, пиво, мороженое, самая лучшая рыбалка в мире, равно как и самые масштабные репрессии, самый вороватый мэр, самый большой разгул преступности или эпидемии ВИЧ или подростковой наркомании);

– комплекс жертвы (чаще ее пытаются искать в прошлом, потому что легче создать этот нарратив, чем объяснить некоторые проблемы); очень характерно именно для городских сообществ, административно находящихся в менее экономически развитых регионах, но географически и логистически завязанных на соседний город из более мощного региона (кейсы Волжска, Катайска и Стрежевого);

– образ значимого «другого» (в большинстве случаев эксплуатация образа чужого, очень часто эксплуатация образов врага, но бывает и чужой как друг (очень характерно как раз для пограничных городов менее развитого региона — Волжск в Республике Марий Эл (тяготеющий к Зеленодольску и шире — к Казанской агломерации в Республике Татарстан); Камень-на-Оби в Алтайском крае (расположенный на практически одинаковом расстоянии от столицы края Барнаула и крупнейшего города Сибири Новосибирска); Катайск в Курганской области (тесно связанный с Каменск-Уральским в Свердловской области и мечтающий о референдуме о при-

соединении к Свердловской области), Сольцы (в Новгородской области, но исторически и культурно тесно связанный с Псковской областью) и Стрежевой в Томской области (близко расположенный к Нижневартовску из Ханты-Мансийского АО));

- символизация-персонализация, т. е. попытка поляризовать представления о прошлом через, условно говоря, символические ряды хороших и плохих; это универсальный механизм, который используется всегда и везде в дискурсивных практиках идентичности;

- номинализация и семантизация (опять же, не только на уже набившем оскомину уровне официального и лоялистского дискурсов (шпион/разведчик; «огрехи» в ходе строительства; отрицательный рост; повстанцы/террористы, хлопок, подтопление и т. д.), но и на бытовом и личностном уровне (заговаривание ужаса перед пандемией, неуверенность в завтрашнем дне, экологические и медицинские проблемы).

- конфликтность и алармизм (ситуация судьбоносного выбора и конца света при дихотомии выбора);

- реактивность/диалектизм; любое действие оппонента — ошибка, признак незрелости или умственной неполноценности в лучшем случае, чаще — признак осознанных деструктивных действий; такого рода бытовая и личностная агрессия очень характерна для местной прессы;

- примордиализм в том плане, что мудрое государство/его жрецы/жрецы идеальной России будущего должны создать образ идеального мира, а остальные должны принять и подстроиться (пятилетний ребенок, рисующий Бога);

- заведомая амбивалентность; государственная политика идентичности осознанно отличается противоречивостью, поэтому любое действие может быть истолковано и как поддержка, и как противодействие;

- редукция; сложные явления сводятся к простым, причем всеми сторонами общественно-политического дискурса; те, кто заинтересованы в повышении напряженности дискуссии, заостряют внимание на том, где противоречия между политикой и системой ценностей, и тогда неизбежно приходят к практике примитивизации; редукция сложных явлений к простым, которая характерна для популярных пропагандистов; здесь гражданские протестующие активисты могут смыкаться с государственными пропагандистами и в этом смысле не приближают общество в целом к гармонии между государственными интересами и интересами всего общества;

- осознанная культурная регионализация (мы — сибиряки, северяне, уральцы, казаки и т. д., у нас своя особенная идентичность).

Практический итог нашего исследования заключается в том, что понимание органами государственной власти принципов работы и организации различных дискурсивных практик, направленных на стабильное и консенсусное развитие общества (а не наоборот!), должно иметь весьма практический смысл и учитываться при проведении государственной политики в этом вопросе на региональном уровне, если цель состоит именно в стабильности и поступательном развитии.

Так как дискурсивные практики можно структурировать по критериям внутренней манифестации (когнитивные, символические и эмоциональные) и направленности (системные, пассивно-событийные и агрессивные), отдельно стоит отметить, что в условиях устойчивой политической системы и отсутствия явных угроз ее стабильности манифестация подобных практик является, скорее, маргинальной и сосредоточенной преимущественно на онлайн-активности, но уже сформировавшие свою идентичность носители той или иной субкультуры способны к мобилизации

и объединению в достаточно активные группировки, готовые к неконвенциональным действиям в офлайне. Примеры таких группировок можно видеть и во вполне благополучных с точки зрения стабильности странах (носители ультраправой субкультуры в Германии, традиционно поддерживающие «Альтернативу для Германии»), и в обществах, переживающих период лиминальности (некоторые арабские страны и страны постсоветского пространства), и в определенные моменты современной истории России (период футбольного активизма, «зачищенного» к Чемпионату мира по футболу 2018 г., прошедшему в России).

Важной особенностью различных региональных сообществ является скорость распространения информации и скорость коммуникации между его членами. Сообщества, преимущественно находящиеся в офлайне, ограничены постоянной необходимостью непосредственной работы «в поле». В работе же онлайн-сообществ свобода и быстрота распространения информации — ключевой фактор, что позволяет за очень небольшое время транслировать определенные идеи, декларировать цели и задачи, решать тактические и стратегические вопросы для неограниченного круга лиц. Также нельзя забывать, что при анализе сущностных факторов и составляющих протеста добросовестный исследователь должен учитывать не только количественные показатели (количество участников, соотношение поддерживающих, нейтральных и отрицающих то или иное предложение членов группы, число постов, лайков, перепостов и т.д.), но и всевозможные качественные характеристики (факторы, влияющие на увеличение интенсивности протеста, анализ личной мотивации участия и т.д.).

С точки зрения эффективности государственной политики и устойчивости политической системы основной вопрос находится в плоскости построения работающей модели корреляции данных о политической онлайн-активности и подобной активности в реальной жизни, в офлайне. Причем этот вопрос глубже и сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Так как в соответствии со знаменитым законом Томаса, если мы воспринимаем ситуацию как реальную, она реальна по своим последствиям, то для объективного анализа ситуации необходимо учитывать не только интегрированную оценку всех участников общественно-политического процесса (что достигается обычно с помощью методов политической социологии и сочетанием количественных и качественных опросов), но и применять психологические и бихевиористские методы для построения моделей поведения политических акторов и представителей номенклатуры уровня исполнения решений.

К сожалению, конкретные шаги субъектов управления в последнее время как на федеральном уровне (принимаемые новые законы, ужесточающие правила проведения всевозможных политических и образовательных мероприятий, интенсификация административного и уголовного преследования представителей несистемной оппозиции, риторика нетерпимости на федеральных телеканалах и т.д.), так и на региональном («зачистка» и преследование по самым разным мотивам местного активистского ядра, причем как системного, так и несистемного оппозиционного лагеря), иллюстрируют собой тезис о том, что власти предпочитают бороться с проблемой, искореняя не ее причины, а ее следствия.

Представляется очевидным, что понимание органами государственной власти доминирующих моделей политического поведения и дискурсивных практик должно иметь весьма практический смысл и учитываться при принятии тех или иных управленческих решений.

Библиографический список

- Акопов, С. В. (2015). *Интернет и политика. Модернизация политической системы на основе инновационных политических интернет-коммуникаций*. Москва: КноРусю.
- Бовина, И. Б., Дворянчиков, Н. В. (2020). Поведение онлайн и офлайн: две реальности или одна? *Психологическая наука и образование*, 25(3), 101–115.
- Визгалов, Д. В. (2011). *Брендинг города*. М.: Фонд «Институт экономики города».
- Добринская, Д. Е. (2018). Сообщества в эпоху Интернета. *Вестник Московского университета*, 24(4), 59–79. DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-4-59-79
- Енина, Л. В. (2016). Идентичность как дискурсивный концепт и механизмы дискурсивной идентификации. *Политическая лингвистика*, 6(60), 159–167.
- Заббаров, А. Г. (2011). *Сетевые структуры общественных объединений в современном политическом процессе* (Автореферат кандидатской диссертации). Саратов.
- Замятина, Н. Ю. (2012). Территориальные идентичности и социальные структуры. *Общественные науки и современность*, 5, 151–163.
- Казаков, А. А. (2020). *Политическая роль медийного грамотности в условиях технологической трансформации массовой коммуникации* (Автореферат докторской диссертации). Москва.
- Канашевич, Н. (2018). Постижение идеологии как поиск парадигмы: от эпохи модерна к постмодерну. *Thesaurus*, 5, 87–122.
- Коньков, А. Е. (2020). Цифровизация политики vs политика цифровизации. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*, 13(1), 47–68. DOI: 10.21638/spbu06.2020.104
- Леонтович, О. А. (2015). Позитивная коммуникация: постановка проблемы. *Вестник РУДН, серия Лингвистика*, 1, 164–177.
- Мисников, Ю. Г., Филатова О. Г. (2019). Интернет-дискуссия как форма электронного участия: российская специфика. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 5, 320–340. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.15
- Морозова, Е. В., Мирошниченко, И. В., Семененко И. С. (2020). Развитие местных сообществ: потенциал политики идентичности. *Полис. Политические исследования*, 3, 56–77. DOI: 10.17976/jpps/2020/03/05
- Мухортов, Д. С., Краснова, А. В. (2016). Дискурсивные маркеры манипуляции как реализация субъективно-оценочного акта говорящего. *Политическая лингвистика*, 6(60), 120–125.
- Назукина, М. В. (2019). Символические аспекты российского регионализма: на примере конкурсных практик. *Ars Admimistrandi (Искусство управления)*, 11(4), 532–550. DOI: 10.17072/2218-9173-2019-4-532-550.
- Орех, Е. А. (2014). Визуальные методы в изучении социального пространства города. *Человек*, 6, 35–45.
- Пономарев, Н. Ф. (2021). *Постмодернистские стратегические коммуникации. Постправда, мемы, трансмедиа*. М.: РУСАЙНС.
- Поцелуев, С. П. (2008). *Политические парадоксы*. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ.
- Радина, Н. К. (2018). Цифровая политическая мобилизация онлайн-комментаторов материалов СМИ о политике и международных отношениях. *Полис. Политические исследования*, 2, 115–129.
- Семененко, И. С. (2017). *Идентичность: Личность, общество, политика*. Энциклопедическое издание. М.: Весь Мир.
- Сидоров, В. А. (2018). Коммуникативные стратегии XXI века: определение и анализ предпосылок. *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Язык и литература*, 15(2), 300–311. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2018.212

- Сидоров, В. А., Быков, И. А., Гладченко, И. А. и др. (2019). *Коммуникативные агрессии XXI века*. СПб.: Алетейя.
- Смирнягин, Л. В. (2011). Мегарегионы как новая форма территориальной организации общества. *Вестник Московского университета. География*, 5(1), 9–15.
- Сморгунов, Л. В. (ред.) (2018). *Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие*. М.: Аспект Пресс.
- Сморгунов, Л. В. (ред.) (2021). *Аутсорсинг политических суждений: проблемы коммуникации на цифровых платформах*. Москва: РОССПЭН.
- Чекменев, Д. С. (2020). *Конструирование общественно-политического дискурса в современной российской публичной политике* (Докторская диссертация). Пятигорск.
- Шарапов, Р. И. (2017). Условия политической мобилизации в сети Интернет. *Социодинамика*, 10, 1–8. DOI: 10.25136/2409–7144.2017.10.22073
- Lewis, E. (2017). Intergenerational Solidarity. In *10th Biennial Gender, Work & Organisations Conference* (pp.9–34). Sydney, Australia.
- Tufekci, Z., Wilson, C. (2012). Social Media and the Decision to Participate in Political Protest: Observations from Tahrir Square. *Journal of Communication*, 62(2), 363–379. DOI: 10.1111/j.1460–2466.2012.01629.x

Статья поступила в редакцию 15.08.2021

Статья принята к публикации 18.09.2021

Для цитирования: Негров Е. О. Дискурсивные практики манифестации идентичности жителей городов на границах различных регионов в Российской Федерации: опыт эмпирического исследования // *Южно-российский журнал социальных наук*. — 2021. Т. 22. № 3. С. 32–42.

DISCURSIVE PRACTICES OF DEMONSTRATING THE IDENTITY OF URBAN RESIDENTS AT THE BORDERS OF DIFFERENT REGIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION: EMPIRICAL RESEARCH EXPERIENCE

E. O. Negrov

Evgenii O. Negrov

E-mail: negrov2001@mail.ru. ORCID 0000-0003-3906-5197.

St. Petersburg State University, Universitetskaya naberezhnaya, 7–9, St. Petersburg, 199034, Russia.

Abstract. The article deals with a study of the systematization of discursive practices of manifestation of regional and subregional identity in modern Russia. Historical, economic, political, cultural analysis of such an identity, including, among other things, elements of discourse analysis of the local press, as well as fragments of qualitative research (spontaneous interviews, interpersonal communication, etc.), allow to build a model illustrating its current state. By dint of the systematization of discursive practices and mechanisms for managing regional identity in the Russian Federation in the context of the virtualization of the socio-political space, the process of intensification of which is undoubtedly accelerating, it seems possible to build a working model. This model illustrates the current state of such identity, which, in turn, gives the right to talk about the practical significance of the study related to the mechanisms for improving the quality of urban and regional communication, especially in terms of building an efficiently functioning civil society and its interaction with authorities. The empirical base for the research is the cases of such cities as Volzhsk in the Republic of Mari El (tending to Zelenodolsk and, more broadly, to the Kazan agglomeration in the Republic of Tatarstan); Kamen-na-Obi in the Altai Territory (located at almost the same distance from «its» capital Barnaul, and Novosibirsk, the largest city in Siberia); Kataysk in the Kurgan region (closely related to Kamensk-Uralsky in the Sverdlovsk region); Minusinsk in the Krasnoyarsk Territory (practically merged with Abakan, the capital of the Republic of Khakassia), Soltsy (in the Novgorod Region, but historically and culturally closely related to the Pskov Region) and Strezhevoy in the Tomsk Region (close to Nizhnevartovsk from the Khanty-Mansi Autonomous region).

Keywords: identity, political behavior, discursive practices, urban and regional communities.
DOI 10.31429/26190567-22-3-32-42

References

- Akopov, S. V. (2015). *Internet i politika. Modernizatsia politicheskoy sistemy na osnove innovatsionnykh politicheskikh internet-kommunikatsii* [Internet and Politics. Modernizing the Political System through Innovative Political Internet Communications]. Moskva: KnoRus.
- Bovina, I. B., Dvoryanchikov N. V. (2020). Povedenie onlajn i oflajn: dve real'nosti ili odna? [Online and Offline Behavior: Two Realities or One?]. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 25(3). 101–115.
- Chekmenev, D. S. (2020). *Konstruirovaniye obshchestvenno-politicheskogo diskursa v sovremennoy rossiyskoy publichnoy politike* [Construction of Public-Political Discourse in Modern Russian Public Policy] (Doctoral Dissertation). Pyatigorsk.
- Dobrynskaya, D. E. (2018). Soobshchestva v epohu Interneta [Communities in the Age of Internet]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow State University Bulletin]. 24(4), 59–79. DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-4-59-79.
- Enina, L. V. (2016). Identichnost' kak diskursivnyy kontsept i mekhanizmy diskursivnoy identifikatsii [Identity as a Discursive Concept and Discursive Identification Mechanisms]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 6(60), 159–167.
- Kanashevich N. (2018). Postizheniye ideologii kak poisk paradigmy: ot epohi moderna k post-modernu [Understanding Ideology as a Search for a Paradigm: From the Age of Modernity to Post-modernity]. *Thesaurus* [Thesaurus], 5, 87–122.
- Kazakov, A. A. (2020). *Politicheskaya rol' mediynogo gramotnosti v usloviyakh tekhnologicheskoy transformatsii massovoy kommunikatsii* [Political Role of Media Literacy in Conditions of Technological Transformation of Mass Communication] (Abstract of Doctoral Dissertation). Moskva.
- Konkov, A. E. (2020). Cifrovizatsiya politiki vs politika cifrovizatsii [Digital Politics vs Political Digitalization]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations], 13(1), 47–68. DOI: 10.21638/spbu06.2020.104.
- Leontovich, O. A. (2015). Pozitivnaya kommunikatsiya: postanovka problemy [Positive Communication: A Theoretical Perspective]. *Vestnik RUDN, seriya Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics], 1, 164–177.
- Lewis, E. (2017). Intergenerational Solidarity. In *10th Biennial Gender, Work & Organisations Conference* (pp.9–34). Sydney, Australia.
- Misnikov, Y. G., Filatova, O. G. (2019). Internet-diskussiya kak forma elektronnoy uchastiya: rossiyskaya specifika [Online Discussion as a Form of E-Participation: Russian Specifics]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion. Economic and Social Changes], 5, 320–340. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.15.
- Morozova, E. V., Miroshnichenko, I. V., Semenenko, I. S. (2020). Razvitiye mestnykh soobshchestv: potentsial politiki identichnosti [Development of Local Communities: The Potential of Identity Politics]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political Studies], 3, 56–77. DOI: 10.17976/jpps/2020/03/05.
- Mukhortov, D. S., Krasnova, A. V. (2016). Diskursivnye markery manipulyatsii kak realizatsiya sub'ektivno-ocenochnoy akta govoryashchego [Manipulation Discourse Markers Within the Framework of Subjective Evaluation]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 6(60), 120–125.
- Nazukina, M. V. (2019). Simvolicheskiye aspekty rossiyskogo regionalizma: na primere konkursnykh praktik [Symbolic Aspects of Russian Regionalism: On the Example of Competitive Practices]. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya)* [Ars Administrandi (The Art of Government)], 11(4), 532–550. DOI: 10.17072/2218-9173-2019-4-532-550.

- Orekh, E. A. (2014). Vizual'nye metody v izuchenii social'nogo prostranstva goroda [Visual Methods in The Investigation of Urban Visual Space]. *Chelovek* [Human Being], 6, 35–45.
- Ponomarev, N. F. (2021). *Postmodernistskie strategicheskie kommunikatsii. Postpravda, memy, trans-media*: monografiya [Postmodernist Strategic Communication. Posttruth, Memes, Transmedia]. M.: RUSAYNS.
- Potseluev S. P. (2008). *Politicheskie paradialogi*: monografiya [Political Paradiologues]. Rostov-na-Donu: Izd-vo YUFU.
- Radina, N. K. (2018). Tsifrovaya politicheskaya mobilizatsiya onlayn-kommentatorov materialov SMI o politike i mezhdunarodnykh otnosheniyakh [Digital Political Mobilization of Online Commenters on Publications about Politics and International Relations]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2, 115–129.
- Semenenko, I. S. (Ed.) (2017). *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye* [Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic ed.]. Moscow: Ves' mir.
- Sharapov, R. I. (2017). Usloviya politicheskoy mobilizatsii v seti Internet [Conditions of Political Mobilization on the Internet]. *Sociodinamika* [Sociodynamics], 10, 1–8. DOI: 10.25136/2409-7144.2017.10.22073.
- Sidorov, V. A., Bykov, I. A., Gladchenko, I. A. et al. (2019). *Kommunikativnyye agressii XXI veka* [Communicative Aggression of the 21st Century]. SPb.: Aleteyya.
- Sidorov, V. A. (2018). Kommunikativnyye agressii XXI veka: opredelenie i analiz predposylok [Communicative Aggressions of the 21st Century: Definition and Analysis of the Prerequisites]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazyk i literature* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], 15(2), 300–311. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.212>.
- Smirnyagin, L. V. (2011). Megaregiony kak novaya forma territorial'noy organizatsii obshchestva [Mega-regions as a New Form of Territorial Organization of Society]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Geografiya* [Moscow University Bulletin. Series 5, Geography], 5(1), 9–15.
- Smorgunov, L. V. (Ed.) (2021). *Autsorsing politicheskikh suzhdeniy: problemy kommunikatsii na tsifrovyykh platformakh* [Outsourcing Political Judgments: Communication Challenges on Digital Platforms]. Moskva: ROSSPEN.
- Smorgunov, L. V. (Ed.) (2018). *Publichnaya politika: Instituty, cifrovizatsiya, razvitie* [Public Policy: Institutions, Digitalization, Development]. M.: Aspect Press.
- Tufekci, Z., Wilson, C. (2012). Social Media and the Decision to Participate in Political Protest: Observations from Tahrir Square. *Journal of Communication*, 62(2), 363–379. DOI: 10.1111/j.1460-2466.2012.01629.x.
- Vizgalov, D. V. (2011). *Brending goroda* [City Branding]. M.: Fond "Institut ekonomiki goroda".
- Zabbarov, A. G. (2011). Setevye struktury obshchestvennykh ob"edineniy v sovremennom politicheskoy protsesse [Networks of Public Associations in the Current Political Process] (Abstract of Candidate Dissertation). Saratov.
- Zamyatina, N. Yu. (2012). Territorial'nye identichnosti i social'nye struktury [Territorial Identities and Social Structures]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], 5, 151–163.

Received 15.08.2021

Accepted 18.09.2021

For citation: Negrov E. O. Discursive Practices of Demonstrating the Identity of Urban Residents at the Borders of Different Regions in the Russian Federation: Empirical Research Experience // *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2021. Vol. 22. No. 3. Pp. 32–42.

© 2021 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).